

ДИКОВИННЫЙ МАТРОСИК

Рассказ

Иллюстрации художника П. Пинкисевича

ОГЛАВЛЕНИЕ:

I II III

I

Среди тишины чудной тропической ночи колокол пробил четыре удара. Был час ночи, и до смены вахтенных было еще далеко. А спать так хотелось.

Тогда грот-марсовой старшина Аришкин, - степенный, пожилой человек, пользовавшийся на клипере* "Голубчик" репутацией самого "башковатого" матроса, который в книжке мог читать и умел огорошивать "занозистыми" словечками даже такого ученого человека, как фельдшер, проговорил, обратившись к кучке дремавших у грот-мачты матросов:

- Не спи, братцы. А то как бы вахтенный не разбудил по-своему... Небось зубы начистит.

* К л и п е р - трехмачтовый быстроходный военный корабль.

"Братцы" встрепонулись, услышавши мудрые слова, так как знали, что вахтенный лейтенант любил подкрасться, ровно кошка, и разбудить действительно "по-своему" заснувшего матроса.

Но ночь, волшебная тропическая ночь, тоже расточала свои сонные чары "по-своему", и не прошло и пяти минут после предостережения Аришкина, как уже среди кучки раздались подхрапывания.

- Ну уж и здоровы спать, идолы! - воркнул Аришкин и, наклонившись к спящим, проговорил: - Кошка идет!

Все моментально вскочили. "Кошкой" звали вахтенного лейтенанта Пыжикова, находившего, что "распускать" матросов не следует.

Аришкин засмеялся.

- Небось проснулись?... Садись... я вам лучше что-нибудь расскажу... По крайности сон разгонит.

- То-то Расскажи, Никоныч... уважь... А то как бы взаправду не подкралась Кошка, - заметил один из марсовых.

- Как не уважить вас, дрыхалов, уважу! - ласково промолвил Аришкин.

И плотней усевшись на бухту*, откашлялся и начал вполголоса и слегка нараспев следующий рассказ.

* Б у х т а - снасть, уложенная в круги. - П р и м. а в т о р а.

II

- Тоже вот был у нас на клипере, на "Грозящем", когда мы на нем три года тому назад ходили в дальнюю, матросик один, Васька Пернатый прозывался. Отцы его, говорил, птицеловы были, и было им прозвище "Пернатые"... Так довольно даже редкий и диковинный матрос был, братцы вы мои. Такого никогда на флоте я не видывал. Человек, прямо сказать, с понятием и по матросской части знал, хорошим рулевым был и в Кронштадте веселым человеком оказывал себя, и карахтера тихого, и вином не занимался, а как уплыли мы из Кронштадта и вошли в заграничные места, тут, значит, и вышла эта самая загвоздка...

- В чем загвоздка? - спросил кто-то.

- А в том, братец ты мой, что вовсе в расстройку вошел. И чем дальше мы уходили, тем больше он быдто тронутый понятием становился. Ни с кем не говорил, чуждался, больше один да один, и все в тоске да в тоске, братцы